

Пассек Вадим Васильевич

**Очерки России, издаваемые
Вадимом Пассеком**

Книга 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В12

В12 **Вадим Васильевич П.**
Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком: Книга 3 / Пассек Вадим Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 266 с.

ISBN 978-5-521-27325-6

ISBN 978-5-521-27325-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

«Une vue de la littérature, isolée
de l'histoire des nations, créerait
un prodigieux mensonge.»

Chateaubriand.

Въ обширномъ смыслѣ литература или словесность ⁽¹⁾ въ народномъ тѣлѣ есть *органъ слова*, выражающій его дѣятельность матерьяльную и нравственную изустно, или письменно.

Если для чловѣка необходима память о прошедшемъ, законъ и правила для настоящаго, и мысль о будущемъ; то для народа столь же необходима литература, ибо въ ней отражается вся жизнь народа: его дѣла, его понятія, его думы, желанія и надежды, радости и печали. Если чловѣку необходимо слово, или способность передавать законъ Бога, условія общества, свои мысли, чувствованія и дѣла другому; то и народу необходима также способность, чтобъ отъ поколѣнія къ поколѣнью передавать заветъ, опытъ и познанія. Слѣдовательно литература въ отношеніи къ тѣлу народному, есть неоспоримо голосъ прошедшаго къ настоящему, и настоящаго къ будущему.

Начало литературы относится можно сказать къ временамъ первой семьи людей. Въ патріархальномъ, или *семейномъ* обществѣ людей, чувства были природными писцами и живописцами, а память природной хартіей. Не человекъ училъ чувства свои начертывать въ памяти звуки словъ изображеніями предметомъ, и рисовать самые предметы, а Божество, создавшее человека и заключившее въ немъ узелъ тайны созданія. Но, обиліе труда утомило органъ памяти; этой дивной хартіи недоставало уже на всѣ начертанія, которыя должны были сохраняться для потомства, и — человекъ, въ необходимости, долженъ былъ замѣнить природу искусствомъ: тѣже начертанія, которыя изображались въ памяти, чувства его перенесли на бумагу. Эти начертанія однако же были бы понятны для каждаго; потому что первый языкъ, и первыя буквы были *предметныя*; но человекъ желая таить свои мысли, долженъ былъ изобрѣсти буквы условныя, или гражданскія, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли преимущество для скорописанія.

Такимъ образомъ, покуда не было изобрѣтено письмо, литература, какъ потребность нравственного сообщенія, существовала въ памяти. Въ памяти отпечатывались законы, опытъ и мысли, и передавались живыми вѣстниками въ *словахъ*, *думахъ*, сказкахъ, пѣсняхъ и пословицахъ.

Разсматривая литературу въ обширномъ смыслѣ, мы должны раздѣлить ее на всѣ тѣ періоды, которыя она, какъ органъ народнаго слова выражаетъ, развиваясь и совершенствуясь съ возрастомъ ея.

Развитіе литтературы народа предупредившаго прочихъ въ просвѣщеніи, могло имѣть только два періода:

Въ первомъ періодѣ она была *литтѣратурою памяти*, или *изустною*, естественно развиваясь во всѣхъ родахъ, свойственныхъ жизни народа: или свободной пѣснѣю любви, или обрядной *славой* самой жизни и *силъ природы*.

Въ этомъ первоначальномъ своемъ бытіи, литтѣратура чуждалась прозы, и была неразлучна съ *голосомъ*: этого требовала память; ибо *мѣрный стихъ* легко отпечатывается въ памяти, имѣетъ отъ природы какую-то наружность, какъ плодъ одушевленнаго чувства, которое не просто говоритъ, но *рисуетъ*.

По изобрѣтеніи письма, литтѣратура письменная должна была начать дѣятельность свою съ собранія священныхъ, или прославляющихъ божество пѣсней, и въ этомъ смыслѣ безъ сомнѣнія и приняла названіе *изящной* (*Isiaca*), или восхваляющей *мать природу* ⁽²⁾.

Совершенствуясь, она образовала священный языкъ, или *языкъ боговъ* — поэзію (пѣснопѣніе) — возвысившійся надъ *разговорнымъ* живымъ языкомъ, или прозой, которая составила со временемъ другую вѣтвь литтѣратуры, какъ необходимое орудіе дѣятельности гражданской, обнимая собою всю прозу жизни; словомъ, языкъ чувствъ, принялъ названіе поэзіи; а языкъ ума — прозы.

Преданіе объ изобрѣтеніи письменъ у всѣхъ народовъ одинаково: повсюду письмо изобрѣтено *ми-*

вомъ гражданской жизни и торговыхъ сношеній. Въ Индіи *Ганезой*, божествомъ торговли, искусствъ и наукъ; въ Египтъ *Таутомъ* (Θοο), или *Гермесомъ*, который училъ людей всемъ полезнымъ знаніямъ и изобрѣлъ священныя письма (Иероглифы) и гражданскія. Это тотъ же Эрмій, Гермесь Грековъ и Меркурій Латинъ. Не возможно опредѣлить, гдѣ пало семя изобрѣтенія письменъ; но такъ какъ въ природѣ все развивается отъ единого семени, то и изобрѣтеніе письма имѣло одинъ изтокъ и было распространено тѣмъ народомъ, который предупредилъ прочихъ дѣятельностію торговой и гражданской жизни. Мифическія имена его: у Китайцевъ *Θο*, сходное съ Египетскимъ *Θοο* (*α-θοο* — Египетское названіе *Θοιοповъ*)⁽³⁾; у Индѣйцевъ *Ганеза*, сходное съ Вавилонскимъ *Оанесъ*⁽⁴⁾ (*Азаконъ*) или *Уанъ*; у Грековъ мифическое имя уже исчезаетъ и ихъ законодатели *Атланты* и *Финикиане* (настоящее назв. *Фана-х*); по сѣвернымъ преданіямъ основатели гражданской жизни *Азы* (*Aesir*); въ библейскихъ преданіяхъ *Іу-валъ* изобрѣлъ пѣвницу и гусли; а *Θο-велъ* кованіе мѣди и желѣза, и слѣдовательно искусства гражданскія.

Судя по ближайшимъ къ намъ образцамъ, поэзія всегда принадлежала патріархальному быту народовъ; а проза развитію гражданственности: такъ ученіе *Друидовъ* Галлійскихъ или Цельтійскихъ, заключалось въ пѣсняхъ. Древніе народы населявшіе Германію, по словамъ Тацита» *Celebrant carminibus antiquis (quod unum apud illos memoriae et annalium genus est) Tuisconem deum, т: с:*

«воспѣвають бога Туискона древними стихами, которые у нихъ составляютъ единыя меморіалы и лѣтописи.»

Основываясь на этомъ, на древнюю литературу Индѣйцевъ можно смотрѣть, какъ на единственный образецъ самобытнаго развитія и перехода изъ изустной въ письменную. *Пураны* (древнѣйшія писанія), заключающія въ себѣ полный курсъ ученія и познаній, писаны мѣрными стихами, равно какъ и *Веды* — книги богословія, *Магабарата* и *Рамайяна* — историческія преданія.

Вообще изустныя преданія были основой, храненіемъ и распространеніемъ древней Индѣйской литературы. Въ сборникахъ священныхъ гимновъ и обрядныхъ постановленій, извѣстныхъ подъ именемъ *Ведъ*, названіе *срута*, т. е. слышанное, ясно подтверждаетъ это. Въ томъ же смыслѣ и названіе древнихъ законныхъ уставовъ *смрити*, т. е. памятованіе.

Всѣ древнія творенія Индѣйцевъ передавались изустно: ⁽⁵⁾ сочинитель заставлялъ учениковъ своихъ учить наизусть свои творенія; ученики становились въ свою очередь учителями и передавали новому поколѣнію; такимъ образомъ твореніе переходило изъ устъ въ уста, въ духовномъ потомствѣ браминновъ или ученыхъ.

Къ первобытной гражданской, прозаической литературѣ, кажется должно отнести книги *Таута*, или *Гермеса Трисмегиста*, въ которыхъ, по преданію, заключались первые законы Египтянъ, обряды жертвенные, гармонія, астрологія, медицина, ис-

куство военное и музыка. Оригиналы не сохранились; но по крайней мѣрѣ, они были кладеземъ изчерпаннымъ Греками, во время ихъ владычества надъ Египтомъ.

Грековъ и должно принять первымъ народомъ, принявшимъ свое ученіе отъ другаго.

Ходъ литтературы у народа принявшаго ученіе отъ другаго, можетъ быть вдвое скорѣе; но за то удвоятся и періоды ея развитія.

Послѣ періода изустной литтературы, свойственной даже дикарю, съ воспріятіемъ просвѣщенія отъ другаго народа наступаетъ *второй періодъ*, который можно назвать *учебнымъ*, или хрестоматическимъ. Въ это время народъ, волею и неволею твердить первыя правила гражданской жизни, живетъ чужимъ умомъ, чужими чувствами, и чуждыми условіями. Передъ нимъ три пути: *забыть свое хорошее и худое, и принять чуждое добро и худо; оставить свое худое, и къ своему добру присоединить чуждое хорошее; или забыть свое доброе, и къ своему недоброму перенять все чуждое зло.* Въ этомъ періодѣ народъ заучиваетъ наизусть чужую исторію и литтературу, какъ данные ему образцы.

Третій періодъ, составляетъ литтературу *излишнюю классическую*, или подражательную образцамъ литтературы народа учителя, или народа совершившаго со славой кругъ жизни своей и литтературы.

Въ слѣдъ за этимъ наступаетъ *періодъ классической ученой литтературы*. Водворяется философія и науки, но безъ примѣненія къ потребностямъ народа; ибо это уже составляетъ преимущественно

собственную заботу каждого *стремиться къ самобытности*, когда кончится наука и народный разумъ выйдетъ изъ опеки и періодовъ слѣпаго подражанія.

Періоды самобытности: пятый и шестой. Въ первомъ изъ нихъ народъ начинаетъ жить собственнымъ сердцемъ и чувствами, и отражать себя въ собственной *излищной литтературѣ*; во второмъ начинаетъ жить своимъ умомъ и высказывать свой умъ и опытъ въ собственной *ученой литтературѣ*. Но самобытность его преимущественно основывается на наслѣдіи отъ отцовъ: чѣмъ болѣе добра оставили они ему, тѣмъ скорѣе онъ будетъ господиномъ въ дому своемъ. Прошедшее есть гранитъ, на которомъ зиждется зданіе новое.

Всѣ сказанныя степени литтературы развившись вмѣстѣ съ возрастами народа, остаются въ немъ, и совершаютъ свой кругъ такъ сказать отъ посѣва до жатвы, отъ поколѣнія до поколѣнія.

Вмѣстѣ съ развитіемъ литтературы развивается и языкъ народа, во всѣ тоны гармоніи звуковъ. Возмемъ въ примѣръ полный кругъ развитія Латинскаго языка. «Изъ Греческаго Дорическаго нарѣчія, Этрускихъ и Осскихъ *салическихъ гимновъ* и законовъ извѣстныхъ подъ именемъ 12 *скрижалей*, *которыхъ стихиры распѣвали дѣти* еще во времена Цицерона, образовался жесткій языкъ Дуллія, Цецилія и Эннія, живой языкъ Плавта, сатирическій Луцилія, исполненный грецизма языкъ Теренція, философическій, задумчивый, медленный и спонденческій Лукреція, краснорѣчивый Цицерона и Тита

Ливіа, ясный и правильный Цесаря, нарядный Горация, блестящей Овидія, поэтический и точный Кутумла, гармоническій Тибулла, очаровательный Виргилія, чистый и мудрый Федра.» ⁽⁶⁾

«Языкъ образованный, развернувшійся изъ языка народнаго, отличается въ основаніяхъ своихъ отъ языка народнаго, произтекшаго изъ языка образованнаго» замѣчаетъ очень справедливо Шатобріанъ. «Первый сохраняетъ въ себѣ всю самобытность; ибо онъ развивается самъ собою, и только развертывается свой зародышъ; второй же, какъ прививокъ къ языку образованному, теряетъ собственный свой сокъ и приноситъ плоды чуждые.

«Образецъ перваго Латинскій языкъ, развернувшійся изъ наречія народнаго; образцы втораго всѣ языки Европы, происшедшіе отъ Латинскаго образованнаго языка.

«Живой языкъ, порожденный живымъ языкомъ, сохраняетъ въ себѣ жизнь; живой же языкъ возникшій изъ мертваго языка, заключаетъ въ себѣ что-то мертвенное, и множество словъ отжившихъ: эти слова столько же неспособны выражать жизнь, сколько тишина неспособна выражать звука.»

Не возможно выразиться безпристрастнѣе на счетъ Французскаго, Англійскаго и прочихъ языковъ Латинскаго поколѣнія: это кустарники возникшіе на пень огромнаго дерева. Въ Европѣ только двѣ семьи языковъ, которые могутъ гордиться своей породой: семья Готическая и Славянская. Они сохранили сердцевину и сокъ своихъ корней; а слѣдовательно и всю силу жизни и плодотворности. Въ

первой замѣтно болѣе происхожденіе Еврейское, во второй Индѣйское; въ первой замѣтна давность гражданственности, а во второй первобытный патріархализмъ и слова первоначальныхъ понятій, звуки, которыми учила человека сама мать природа; ибо человекъ не сочинялъ первобытнаго языка, но, одаренный способностію произносить всѣ звуки природы, онъ перенималъ ихъ у нея, какъ младенецъ у матери, и изъ нихъ развилъ, по сравненію, языкъ, высказывающій жизнь.

Какой же языкъ ближе къ чистотѣ первобытной и къ способности выражать жизнь и природу, кратко, ясно и живо? — разумѣется, тотъ, котораго слова возрастали на живыхъ звукахъ самой природы, составляющихъ понятныя чувствамъ корни изустнаго развѣтвенія. У кого заняты подобныя слова кромѣ подражанія звукамъ самой природы: громъ, трескъ, трепеть, свистъ, шумъ, стукъ, грохотъ, гулъ, шипеніе, сипѣніе, брань, буря?

Изъ названій видимаго міра образуются по сравненію названія внутренняго: отъ гаръ, гореніе — гóре (*печаль*), отъ гора — *гордость* и пр. Отъ звука выражающаго въ самой природѣ остановку: *сстъ, ста* — племя словъ: станъ, стѣна, столъ, стопа, ставъ, и пр. Отъ слова *жаръ*, выражающаго шипеніе и трескъ огня — *шаръ* идея о кругѣ (солнца); *гаръ*, гора, городъ, ограда, горé (высота), груда, грудь.

Тьма (по Санскр., *тама*) — *туманъ*, дымъ, домъ, и по сравненію внутренняго міра съ наружнымъ — *дума*.

Такимъ образомъ природные звуки, составляя основу языка, облекаются въ идеи, образуются въ глаголы и всѣ прочія части рѣчи, соединяются свободно съ другими словами для выраженія новыхъ понятій, на пр. *громогласный, громоносный*, и располагаются свободно, безпредѣльно, не нуждаясь въ займѣ словъ отъ чуждаго языка.

Всѣ основы Славянскаго языка есть природные звуки.

Разсмотрите же языки произшедшія отъ мертваго Латинскаго. Какъ развиваются и растутъ они?—принятіемъ чужихъ словъ въ условную общину своего языка: Французъ, изобрѣтая средство писать на камнѣ, по неволѣ долженъ назвать свое открытіе Греческимъ словомъ *лито-графія*, т. е: *каменное писаніе*; потому что слова *pierre* и *écrire* — произшедшіе отъ Латинскихъ *petra* (*πέτρα*) и *scribere*, — мертвы, не совокупляются другъ съ другомъ, не двигаются съ мѣста безъ помощи рычаговъ — членовъ, которые, какъ кажется, есть вѣрный прізнакъ языковъ, составившихся изъ развалинъ другаго: народъ, принявъ чуждые слова, и не зная формъ ихъ измѣненій, долженъ былъ по неволѣ замѣнить падежи членами.

Въ 9-мъ столѣтіи Славянскій языкъ былъ уже столько могучъ и полонъ разума, что въ состояніи былъ воспріять все величіе и духъ священнаго писанія, не заимствуясь ни чѣмъ, кромѣ именъ религіозныхъ, непереводаемыхъ; и слѣдовательно, для этого необходимо было, чтобъ изустный языкъ Сла-